

Дюк Степанович (10)

Не белá ли заря да подымалася,
Красно солнышко выкатáлосе —
Сын стоял тут перед матерью,
Просил у матери прощеньице,
Просил у матери благословеньица:
«Охота съездить мне в стольне Киев-град,
Посмотреть князя со княгинею».
Говорит ему маменька родимая,
Чесна́ вдова Офимья Федоровна:
«Ой еси ты, молодой сынок,
Молодой сынок, ты Дюк Степанович!
Молодёшенек ты, лет шестнадцати,
Не съездить тебе прямой дорожецкой.
Ехать надо по Волхову,
С Волхова надо ехать на Сви́ру-реку,
По Свиры-реки есть шатёр быстёр,
Есть шатер быстрой, поворот крутой.
Слыхала я от твоего родителя —
По тому шатру живет змея лютая,
Много молодцев повыбила,
Много кóраблей повывела».
На то сынок ей ответ держит:
«Ой еси ты, моя маменька родимая!
Не сказывай мне, не уговаривай,
Уж задумал, так поеду в стольне Киев-град,
Не боюсь я змеи лютой».
Увидела мать, как богатырь на коня скочил скорёшенько,
В стремена ступил крутешенько,
Молодой детина лет шестнадцати.
Говорит второй раз мать родимая:
«Ой еси, мое дитя молодёшенько!
Ты послушай меня, мáтерь родимую,
Честну вдову Офимью Федоровну,
Ты придешь, дитя, в стольне Киев-град,
Встретит тебя солнышко Владимир-князь,

Сделат тебе почёстен пир,
Соберет вас, тридцать трех богатырей,
Соберет на пир тридцать три русских богатыря.
Все на пиру будут пьянёшеньки,
Будут все веселёшеньки —
Ты на пиру, сынок, не напивайся,
Из рецей не вышибайся,
Не хвастай золотой казной,
Не хвастай могуцой силбой,
Не хвастай там добрым конем».

Поехал Дюк Степанович,
Распростился с родной маменькой,
Поехал по темным лесам,
Поехал он по чистым полям.
Мёлки руцейки перескакиват,
Мёлки леса промеж ног берет.
Приехал к реке Волхову
И увидел шатёр быстёр и поворот крутой,
И увидел тут змею лютую.
Испугался у Дюка доброй конь,
Припал к земли на колени.
Говорил тут Дюк Степанович:
«Ой ты, конь, мой конь,
Товарищ верный мой!
Для чего ты на колена припадывашь?
Не видал разве птичек-пташецек?»

Тугой лук Дюк принатягиват,
Стрелоцку накладыват,
Стрелил стрелоцкой в змею лютую.
Свалилась змея на землю,
Тут у змеи и смерть случилася.
Едет Дюк опеть вперед,
Проехал дорожку прямоезжую
И приходит к обедни в стольне Киев-град,
Поставил коня к столбу точёному,
Привязал к кольцу золочёному,
Сам заходит в светлу светлицу,
Крест кладет он по-писанному,
Поклон кладет он по-учёному:

«Здравствуй, солнышко Владимир-князь,
Со своей маменькой Апра́ксией!»
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Здравствуй, могучий богатырь Дюк Степанович,
Молодой русской сильной богатырь!»
По приезде сделал чесной пир,
Собрал тридцать три богатыря солнышко Владимир-князь.
Пили-кушали, что им хочется,
Напились, стали веселёшеньки.
На пиру богатыри стали хвастати:
Один хвастает золотой казной,
А другой стал хвастать могучей силой,
Иной стал хвастать добрым конем,
Умной стал хвастать отцом-матерью,
А безумный хвастал молодой женой.
Дюк Степанович сидит умнёшенько.
Говорит ему тут солнышко Владимир-князь:
«Что же ты, Дюк Степанович,
Могучий богатырь, сидишь невесело?
Что же ты ницем не хвастаешь?
Ни добрым конем, ни золотой казной?»
В разговоры с солнышком не вяжетца,
С калацом сидит да забавляетца:
Верхню короцку на стол кладёт,
Нижню короцку под стол мечет.
Говорит тут богатырь Васенька Буслаевич,
Говорит ему Олеша Поповиц:
«Что же ты, Дюк Степанович,
Над пиром что ли насмешаешься,
Над калачиком сидишь, искитаешься,
Из середики калацек покусывашь?»
Говорит тут им Дюк Степанович:
«Не могу я есть вашего калацика:
Верхняя корка пахнет хвойкою,
Нижняя пахнет гнилкою.
У меня у матери родимоей
Подки были менные,
Помёлышки она держала шелковые,
Может помяло в медову бадью,

Калацик съешь — второй хочетце,
Об третьём уж душа болит.
У моей-то маменьки родимой
Сошьёт она, уважит платьцо,
Обволокёшьсе в ём, принарядишьсе —
Как с красной девушкой приобоймешьсе;
Как застёжечки застегнешь —
Как с красной девушкой да поцелуешьсе.
У моей-то маменьки родимой,
У чесной вдовы Офимьи Федоровной,
Про богатырского коня вам цены не сказать».
Все богатыри на него и рассердились,
Взяли его во белы руки,
Положили заповедь великую,
Дали ему писцей десять человек
Описать егово всё имучество.
Согласился тут Дюк Степанович,
Взял десять мужицков-богатырей,
Как десять мальчиков,
И поехал в свой родимой дом с богатырями.
Мёлки рецки перескакиват,
Мёлки леса промеж ног берет.
Приехали они на Днепр-реку,
Говорит тогда Дюк Степанович:
«Скаците через Днепр-реку».
Олеша Попович первый через реценку скочил —
На середки реки коня угрузил.
Скорошенько Дюк Степанович через реку скоцил,
За кудри схватил Олеша Поповича.
Вышли все на высок берег,
Едут ко своему терему.
Встретила его матушка родимая,
Испужалось ейно ретиво сердце,
Выбегала она на улицу,
Схватила во белы руки,
Целовала в уста сахарные.
И зашли все мужицки в палаты белокаменны,
Поздоровались с еговой матушкой родимой,
Со чесной вдовой Офимьей Федоровной.

«Похвастал, говорит, твой сын добрым конем,
Цена будто ему не изложена».
Говорит тогда Офимья Федоровна своим слугам верным:
«Несите сбрую лошадиную».
Занесли тут сбрую лошадиную,
Стали они со сбруи описывать —
Бумаги, чернила было на пятьсот рублей,
Не хватило ни чернил, ни бумаги на одну сбрую бѹрушкову,
Не могли они дать цены.
Посадила матушка писарѣй за стол,
Покушали, поели, попили, что им хоцетце.
Принесли брѣтыни рожков семьдесят
И других разных напитокков.
По краям брѣтынюшки ключом кипит,
Во середочки — огнѣм горит,
Пахнет ароматом ужасным,
От аромата все пьянѣшеньки.
Не могли той брѣтыни они дать цены.
Вздумали ехать в обратный путь,
Опустили руки белые,
Повесили буйны гѣловы.
Спроварила со двора их чеснѣ вдова,
Проводила, с има распростилася,
И поехали писцы ко солнышку ко Владимиру,
Говорят ему таковы слова:
«Трудно нам описывать,
Тяжело с има тягаться,
Чеснѣ вдова богатырска умная,
Занесла нам сбрую лошадиную,
Не могли мы ей описать и цены дать,
Вся блестит, огнем горит —
Не хватило у нас ни чернил, ни бумаги.
Накормила, напоила, что нам хоцетце,
Принесла брѣтыни рожков семьдесят,
От аромату стали пьянѣшеньки,
Все стали веселѣшеньки,
Не поедем боле описывать».
Говорит тут им солнышко Владимир-князь:
«Ой еси вы, русски богатыри!

Небывали были посланы, неудалые —
Обесчестили меня, солнышка Владимира».
С той поры к Дюку не ездили.
Дюк женился, живет с молодой женой,
Живет веселёшенько, хорошёхонько,
Пировали, столовали они три месяца,
На том пиру и мы были,
Попили, поели, распростилисе.

(Зап. Беловановой А. В.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Носовой Анастасии Артемьевны, 67 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.